

Этносоциология

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЯН

Здравомыслов Андрей Григорьевич - доктор философских наук, профессор, директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем, президент Российской ассоциации профессиональных социологов.

Россия - это не только то, что "она есть на самом деле", но и то, как она выглядит в глазах других стран - соседних и отдаленных. Наверное, было бы весьма полезно суммировать те оценки, которые дают ей не только политики, но и ученые, и общественные деятели, сочетание воззрений которых и составляет некое мировое общественное мнение о стране, в которой мы живем и судьбой которой обеспокоены. Приведем, кстати, одно из высказываний, представляющееся достойным внимания: "Ныне Россия - обычная экспансионистская западная страна с минимальной совокупностью задач, основанных на славянской культуре и религиозном православии, строящая Советский Союз-2 на основе объединения России, Белоруссии, Восточной Украины и Северного Казахстана" [1, р. 202]. Такое определение дал Иоган Галтунг на симпозиуме "Система международных отношений после распада Восточно-Западного порядка". Ключевые слова здесь: "обычная" (т.е. не "сверхдержава" и не "великая держава" и "экспансионистская" (т.е. не удовлетворенная своим нынешним статусом). Выделение этих ключевых слов довольно спорно, но дело в том, что они произнесены человеком, известным своей миротворческой деятельностью и отдающим себе отчет в конфликтогенном характере подобных определений. Что же до второй части этой дефиниции, особенно касающейся притязаний на Восточную Украину и Северный Казахстан, то о ее научной корректности, возможно, следовало говорить, когда бы идеи А.И. Солженицына были положены в основание российской политики. Пока это не так. И именно потому, что сия политика в отношении стран постсоветского пространства не является конфликтогенной.

Вместе с тем нельзя не согласиться с И. Галтунгом, что мир стал более многомерным после падения Берлинской стены и распада Советского Союза. Ученый возражает против однополюсной трактовки мира и утверждает, что возник "семи-полюсный мир", центрами которого предстают США, Европейский Союз, Россия, Турция, Индия, Китай и Япония (там же, р. 206). Во всяком случае пути и перспективы российского развития трудно понять, игнорируя те изменения, которые происходят в мире в целом. Равно как и изменения в мировом пространстве не могут быть поняты без учета того, что произошло с Советским Союзом и происходит с Россией.

Как показали декабрьские выборы в Думу, массовое сознание находится в состоянии деидеологизации, к которому стремились в конце перестроечного периода. Либеральная идеология не смогла вытеснить стереотипы коммунистической идеологии

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04519).

полностью. Реальной опасностью стало усиление этнонационализма, который как бы предназначен для того, чтобы придти на смену единой идеологической доктрине, опираясь на поддержку религии и религиозной философии в их различных вариантах и сочетаниях. Такая тенденция поддерживается, с одной стороны, региональными настроениями, в особенности в новых суверенных республиках, и, с другой стороны, ностальгией по великодержавному положению царской России и СССР.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы оценить значение этнонационализма: ведь исторический опыт - в особенности Германии и Японии накануне Второй мировой войны - свидетельствует, что как раз этнонационализм оказывается важнейшей опорой движения в сторону авторитарных режимов. При этом под этнонационализмом мы имеем в виду разнообразные идейные и психологические установки, основанные на представлениях об исключительности собственной нации, превосходстве ее над другими, причем эти свойства нации объясняются "прирожденными свойствами", восходящими к истокам возникновения данного этноса. Как правило, идея национального превосходства закрепляется в особых формах этнической сплоченности (обоснования высшего предназначения "национального государства") и поддерживается с помощью формирования образа враждебных сил и враждебных народов.

При анализе этого сложного явления необходимо исходить из того факта, что этнонациональные образования различного рода остаются основным способом существования человечества в целом и из признания исключительного разнообразия как форм национального самосознания, так и тех социальных функций, которые ими осуществляются. Речь должна идти не о национализме как таковом, а о множестве "национализмов", существенно различающихся между собою в зависимости от конкретного социально-политического контекста. Следует признать также, что национально-этнические настроения, несмотря на всю видимую укорененность, закрепляемую историческим опытом, являются весьма мобильными, прежде всего благодаря тому, что на комплекс этих настроений сильно воздействует политическая ситуация. Раскачивание национальных настроений в качестве средств мобилизации ресурсов политической борьбы против унитаризма и за суверенитет республик и регионов дает одну этнополитическую ситуацию; задачи политической и экономической стабилизации России на путях постепенного упрочения демократизации порождают иную ситуацию в том числе и в столь непростых процессах, как "осознание" и декларирование этнических интересов.

О способах осмысления национальной принадлежности

Национальное бытие и национальное самосознание существуют у любого народа лишь постольку, поскольку существуют другие народы и страны: национально-этническое "Мы" проявляет себя благодаря тому, что есть некоторые "Они", отличающиеся от данного "Мы" языком, культурой, обычаями и другими характеристиками. При этом каждому этносу или национальной группе свойствен собственный набор референтных этнических групп, предопределенный историей нации, в каждом национальном самосознании складывается своеобразная иерархия значимых инонациональных общностей. Так, русское национальное самосознание обязательно содержит образы немцев, англичан, американцев, французов, евреев. А на следующем уровне национального самосознания располагаются народы, населяющие Россию. Третий уровень занят народами, с которыми практически не было соприкосновений в историческом взаимодействии. Эта совокупность образов "других" так или иначе проецируется на восприятие собственной нации. В свою очередь образующаяся сложная проекция иных национальных групп рационализируется в виде обыденных представлений о том, кто такие "Мы - русские" или "Они - немцы" и т.д. [см. 2].

Для проверки рабочей гипотезы использованы данные опроса, проведенного РНИСиНП летом 1995 г. (выборка составила 1464 человека в 12 российских регионах), задача которого, в частности, состояла в том, чтобы выяснить: каким образом в

Распределение ответов на вопрос «Какие из приведенных ниже высказываний полнее всего выражают Ваше понимание национальности?»

Суждения	% к числу опрошенных
Национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя	48,6
Благодаря национальной принадлежности у людей сохраняется память о предках, о Родине и ее истории	48,2
Каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью	41,2
Национальность - это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	16,4
Не только в будущем, но уже и сейчас, понятие национальности в значительной мере устарело	11,8
Человек вправе сам выбирать свою национальность	9,7
Национальность — это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	6,3

сознании людей фиксируется и рационализируется их национальная принадлежность. Для этого респондентам предлагалось избрать одно или несколько из семи предложенных суждений, имевших различные смысловые нагрузки (табл. 1).

Как видим, наибольшее число голосов - почти половину - собрало такое понимание национальной принадлежности, которое можно назвать, используя терминологию З. Дюркгейма, сакральным. Почти столько же сторонников получила трактовка, характеризующаяся как этно-историческая, на третье место (двое из пяти) вышло, так сказать, патриотическое восприятие национальности, четвертую ступеньку - с солидным разрывом от первых трех - заняло суждение, выявляющее ее социально-политическую функцию - объединяющее начало, связанное с достижением общей цели (заметим сразу же, что указание на противоположную - разъединяющую - функцию поддерживают немногим свыше 6%). Затем следует общегражданское отношение к национальной принадлежности, которое допускает возможность сознательного выбора таковой. Оно в значительной степени противостоит чисто этническому пониманию национальности и тем более сакральной его трактовке и потому заслуживает особого внимания.

Если рассматривать массив в целом, то выясняется, что более 1/10 респондентов склоняются к суждению об известной устарелости самого понятия "национальность". Причем анализ распространенности такого подхода в зависимости от переменных, заложенных в опросе, рисует следующую картину. Чисто экономические признаки - доход на члена семьи и оценка материального положения - не влияют на величину избравших эту позицию. Иное дело - возраст и профессия. В возрастной группе от 27 до 30 лет наблюдается пик согласия с данным суждением - 17,2%. В группе лиц с высшим образованием сей показатель достигает 16%, у ИТР и служащих госучреждений - 20%. Иными словами, в некоторых перспективных группах идея несущественности национальной принадлежности получает поддержку чуть ли не у каждого пятого респондента. Что касается сакрального понимания нации, то оно в наибольшей степени распространено в возрастных группах старше 60 лет - 59,2%.

Показательным с точки зрения соотношения этноцентрических и общегражданских ориентаций оказывается распределение ответов, вызванных вопросом о необходимости сохранения в новом российском паспорте графы национальной принадлежности. 45% - меньше половины - высказываются в пользу фиксирования национальности в документе. Почти 1/3 (31,5%) выражают безразличие к этому и 23,1% вполне определенно считают, что она не должна там записываться. Похоже, это доля населения, которая преодолевает или уже преодолела чисто этническое понимание нации и близка к ее гражданскому толкованию.

Аналогичные тенденции просматриваются и при ответе на анкетный вопрос "Кем

Вы ощущаете себя сегодня?" (Но об этом - ниже.) Сейчас же важно в связи с ответом на него обратить внимание на меньшинство: 7,3% опрошенных отказываются от национально-государственной принадлежности и объявляют себя "гражданами мира". Было бы очень интересно узнать, каково распространение обозначенной ориентации в других странах. Например, в опросе, проведенном журналом "Шпигель" в 1994 г. (опрошено 2034 респондента на основе выборки, репрезентирующей немецкую молодежь в возрасте от 14 до 29 лет) зафиксированы следующие позиции ответивших на вопрос «Что для Вас означает понятие "нация"?»: 31% ответили "ничего", а 21% - "устаревшее понятие". "Превосходят ли немцы какой-либо другой народ?" - вопрошалось далее. Отрицательно среагировали 52%, а 45% признали превосходство немцев над некоторыми народами (2% недвусмысленно выразили про-нацистскую установку о своем превосходстве над всеми). Тогда последовал вопрос на уточнение: "Если превосходят, то кого именно?" Ответы распределились так: поляков - 87%, турков - 74%, русских - 63%, французов - 20%, американцев (США) - 11% [3].

Наше исследование свидетельствует, что наиболее значимыми способами осмысленной фиксации национальной принадлежности в индивидуальном сознании оказываются три главных момента: сакральный, этно-исторический и патриотический. Через образ своей нации в структуру индивидуального и массового сознания входят три соответствующие группы мотиваций. Для России самым характерным в настоящий момент оказывается комбинация сакрального и этно-исторического восприятия нации. Собственно патриотический компонент проверялся с помощью вопросов о чувстве национальной гордости. Выяснилось, что "гордость за свою нацию" испытывают часто всего 27,4% респондентов, а иногда - 47,5%. (Немецкие молодые люди демонстрируют следующие показатели патриотичности. На вопрос "Гордитесь ли Вы тем, что Вы немец или немка?" 52% отвечают - "да" и 46% - "нет"). В одном из вопросов анкеты предполагалось и противоположное суждение - "Испытываете ли Вы чувства обиды или унижения в связи с Вашей национальностью?". 68% заявили, что они таких чувств не ведают. А вот 7% подобные чувства посещают часто и 25% — иногда.

Перекрестный анализ полученного материала по этим двум вопросам показывает, что часто ощущают и гордость, и обиду относительно своей национальной принадлежности 31 человек из почти полутора тысяч (около 2%), но 285 респондентам (20%) не знакомо ни то, ни другое чувство. Выходит, среди основной массы российского населения не заметно в настоящее время острого переживания кризиса национальной идентичности, как, скажем, в Германии, где общественное мнение расколото пополам - на тех, кто гордятся тем, что они немцы, и тех, кто, осуждая последствия гитлеровского режима, стыдятся принадлежности к немецкой нации. Это можно истолковать таким образом, что явный поворот к националистическим идеологическим конструкциям, наблюдающийся у нас в программах некоторых политических партий и движений радикального толка, не получает безоговорочной поддержки в обществе.

Осмысление эмпирических данных не подтверждает гипотезу о широком распространении комплекса неполноценности в массовом сознании россиян ввиду краха Советского Союза и о потенциальной их агрессивности, обусловленной "поражением социализма в холодной войне". Не получают подкрепления и расхожие утверждения по поводу аналогии ситуации в современной России с той обстановкой, которая характеризовала Германию после ее поражения в Первой мировой войне. Правомерным будет сказать, что распад СССР подействовал на национальное самосознание граждан не через идею "поражения", которое требует "реванша", а через практическое восприятие судеб русского населения во вновь образованных государствах. Поэтому в стране национальные чувства - по крайней мере на основной части российской территории - не стали доминирующими, они слабо коррелируются с демократическими или антидемократическими установками.

Апелляция к национальной идее, в том числе и к "русской идее", гораздо более свойственна интеллектуальной элите, в особенности той ее группе, которая занята либо поисками нового объединяющего символа, способного заменить идею социализма, либо вовлечена в борьбу за власть в регионах и на федеральном уровне. Иное дело - ситуация в сопредельных суверенных республиках. Значительная часть интеллектуальной и политической элиты тут всерьез озабочена обоснованием национальной идентичности в качестве предпосылки переформулирования этнических интересов.

О формах радикального национализма

Материал, легший в основание исследования, отнюдь не позволяет полагать, что в массовом сознании россиян вообще отсутствует национализм, в том числе и в крайних формах. Не случайно 66,8% опрошенных соглашались с тем, что "фашистские группировки представляют собою большую опасность для общества и таких людей надо судить по закону о разжигании национальной вражды". Да и нынешний спектр политических группировок и партий не оставляет сомнений, что существуют экстремистские силы ("баркашовцы", "национал—социалисты"), эксплуатирующие, к примеру, антисемитские настроения и лозунги, включающие в свою политическую символику фашистскую атрибутику. В Санкт-Петербурге одной из таких группировок недавно была издана на русском языке гитлеровская "Моя борьба". Симптоматична в этом плане и позиция ЛДПР, возглавляемой В. Жириновским с его стремлением разжечь националистический пожар. "Бросок на Юг" и "Плевков на Запад" — главные работы лидера этой партии, получившей весомую и неожиданную для многих аналитиков поддержку со стороны избирателей на выборах 1993 г. Стоит заметить, что уже на декабрьских выборах 1995 г. популярность ЛДПР уменьшилась в два раза.

Насколько же распространен сегодня в массовом сознании радикальный национализм? При прямой постановке вопроса 10,5% респондентов выразили симпатии "русским националистам", сторонникам поиска самостоятельного русского пути, 7,3% поддержали идею "величия, национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа". В то же время 41,4% высказались за "единение народов России в целях ее возрождения как великой державы". Вместе с тем, согласно анализу, декларативно признаваемое величие и уникальность, равно как и мессианство русских, не отражается существенным образом на оценках политического положения в стране и на приверженности тоталитарным или демократическим устремлениям. Отсюда следует, что россиянами возрождение Отечества воспринимается как идея наднациональная. В свою очередь это справедливо интерпретировать в том смысле, что в ходе демократических преобразований, как бы болезненны они ни были, постепенно утверждается не этническое, а гражданское самосознание российского населения.

В рамках исследовательской работы выявлены латентные формы национализма, которые оказалось возможным зафиксировать на основе совпадения ряда позиций, заложенных в анкете.

Анализируя отношение охваченных опросом к ценностным суждениям, мы, сгруппировав неодинаковые позиции, выделили три наиболее интересные парные комбинации, в которые вошли ответы, показывающие разное восприятие национальной проблематики и, следовательно, разные формы национального самосознания. Самым распространенным парным сочетанием явилась комбинация ответов, затрагивающих Россию: "Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все" и "Только подняв экономику и утвердив демократию, заставим мир уважать нас". Около 60% объединились в выборе указанных суждений. Это, бесспорно, показатель укорененности нормального национального самосознания, не обремененного ни чувством национальной исключительности, ни враждебностью к прочим народам.

Но есть и другие сочетания, которые использованы нами в роли индикаторов психологических синдромов, выражающих разные грани радикальной националистической установки.

Прежде всего это синдром ощущения внешней угрозы России. Он установлен путем объединения респондентов по двум позициям: "Россия - великая держава, она должна заставить другие государства и народы считаться с собой" и "России грозит агрессия из-за рубежа". Согласных с обоими суждениями набралось 239 человек, или 16,3% выборочной совокупности.

Еще менее распространенным оказался антизападный синдром, объединивший высказавшихся негативно по отношению к американцам и немцам (101 человек -6,9%). Сопоставляя эти данные с иными анкетными результатами, приходим к заключению, что психологическая база радикально-экстремистского национализма составляет от 7 до 17% россиян. Однако и этот национализм не представляет ныне однородной массы. Значительная доля экстремистских устремлений питается ощущением опасности того, что Россия утратит национально-государственную самостоятельность и что лозунг вхождения ее в мировой рынок и в сообщество "цивилизованных государств" являет собой лишь прикрытие реальной политики, направленной на ее закабаление и превращение в полуколониальную державу.

В числе тех, кто привержен синдрому внешней угрозы, гораздо больше, чем в среднем по массиву, лиц с авторитарным сознанием. Так, у них на 13 пунктов выше средних показатели согласия с необходимостью появления "сильной личности" в целях установления порядка в стране, и на 11 пунктов выше согласие с тем, что демократические процедуры - пустая видимость. В этом контексте, думается, определенный интерес может вызвать табл. 2.

Не трудно заметить, что значимые различия в ответах наблюдаются по всем без исключения позициям, они позволяют эмпирически констатировать сильную взаимозависимость между радикальными формами национального самосознания и авторитаризмом.

Таблица 2

Уровень поддержки мер авторитарной политики по массиву в целом и теми, у кого наблюдается синдром внешней угрозы, %

Позиции	Все опрошенные (1464)	Ощущающие угрозу (239)
Изъятие у части "новых русских" - современных богачей, несправедно нажитых ими состояний	45,2	69,0
Упрощение процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений	35,0	46,9
Использование военных средств для преодоления конфликтов, грозящих целостности России	25,6	38,1
Запрещение забастовок и других массовых выступлений на переходный период	18,0	27,2
Приостановление деятельности парламента на переходный период и сосредоточение всей власти в руках президента и правительства	18,1	24,7
Военный переворот, произведенный патриотически настроенными военными, с целью наведения порядка в стране	13,6	28,9
Отмена в ближайшие годы всех выборов	12,4	18,0
Ограничение свободы выезда из страны	10,3	20,9
Запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти	10,6	20,5

В целях более объемного представления о российском национальном самосознании полезно рассмотреть, как им воспринимаются другие национальные общности, исторически сложившиеся для него в качестве референтных групп. В первую очередь здесь обнаруживается, что 81,3% опрошенных согласны с общим тезисом - "не бывает плохих и хороших наций", и только 7,7% придерживаются противоположного взгляда. Нельзя не отметить, что эта национально-оценочная ориентация существенно расходится у мужчин и женщин: 11,0% против 4,6%. Иными словами, маскулинное сознание националистичнее. Линейной зависимости от возраста и образования не прослеживается. Более чем в два раза выше среднего этот показатель у военнослужащих (15,4%) и наименьший - всего 3,3% - у гуманитарной интеллигенции.

Приведем данные (в %) о согласии и несогласии с суждением, выражающим некоторые стереотипные негативные формулы относительно немцев и американцев:

	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
Немцы - исконные враги русского народа	11,6	70,4	18,0
Американцы всегда и везде ведут себя нагло	26,7	46,1	27,2

Рассматривая эти показатели, примерно соответствующие распространенности этноцентристских ориентаций, нужно помнить, что большая часть российского населения не согласна с негативным отношением к нациям в целом. (Заметим также, что антинемецкие и антиамериканские настроения в нашем случае не могут сопоставляться между собою, поскольку смысловая нагрузка предложенных суждений не-сопоставима друг с другом.)

Мы сопоставляли распространенность негативных оценок, чтобы точнее зафиксировать националистические установки по отношению к этим народам. При анализе зависимости распределений от заложенных в анкету переменных получается, что в возрастной группе, перевалившей 60-летний рубеж, почти 24% респондентов воспринимают немцев как исконных врагов русских, но в группе от 22 до 26 лет таких набирается только 6,8%. В региональном же плане (речь о регионах, где проводился опрос) наиболее антинемецки оказались настроены жители Воронежа (23,9% - возможно потому, что этот город был оккупирован немецкими войсками во время Великой Отечественной войны) и Иркутска. Наименее явно выражен антинемецкий синдром в Нижнем Новгороде (7%) и Казани (5,5%). В антиамериканских настроениях зависимость от возраста проявилась так: с негативной оценкой поведения американцев в большей мере соглашаются респонденты старше 50 лет. Уровень образования на этот показатель не влияет. Сравнительно выше - на 10% против среднего - антиамериканский синдром у пенсионеров и военнослужащих. Из регионов, попавших в выборку, такие же показатели в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Кемерове.

СССР или Россия

В течение четырех лет, прошедших со времени прекращения существования СССР, массовое сознание россиян постепенно адаптируется к новому политическому статусу России и других стран, возникших на постсоветском пространстве. Разумеется, этот процесс происходит крайне болезненно и сложно, в особенности для тех групп населения, которые прожили всю жизнь, имея как бы духовной опорой социалистическое мировоззрение и ощущение исторического смысла своего бытия в самом факте причастности к политике одной из двух ведущих держав мира. Однако опросы общественного мнения констатируют, что ностальгия по Стране Советов уходит в прошлое и что все большая часть населения осознает себя российскими гражданами. Естественно, целесообразность развития связей в масштабах СНГ никем не оспари-

вается и все глубже понимается невозможность возвращения к прежним формам отношений: самостоятельность новых государств - дело признанное, а взаимодействие между ними строится на базе обоюдного учета вновь обозначившихся интересов.

Руководствуясь этой предпосылкой, не лишне постоянно отслеживать, как же общественное мнение оценивает распад СССР. Наш опрос дал следующие результаты:

Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего Союза ССР	44,0%
В этом есть и хорошие, и плохие стороны	30,2%
Это катастрофа мирового значения	14,1%
Благодаря этому создались условия для возрождения России и остальных экс-советских республик	5,4%
Это положительное событие международного звучания	3,2%

Легко понять, что в оценке свершившегося превалирует момент вполне реалистичный - социальная драма огромного числа русских, оказавшихся за пределами своей страны и поставленных перед выбором: ехать в Россию или оставаться на прежних местах.

Из приведенного распределения ответов, очевидно, все же не вытекает, что люди окончательно отказались от надежды на восстановление союзного государства. В соответствии с опросом лишь 1/4 респондентов считает, что "Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь". Но ровно столько же полагают, что "следует восстановить СССР как единое государство в полном объеме - в его прежних границах", при этом еще одна треть - что "следует создать единое славянское государство". А почти каждый пятый ответить на вопрос о будущем России под этим углом зрения затруднился.

И тем не менее, как отмечалось выше, в массовом сознании произошел своего рода перелом в пользу примирения с произошедшими изменениями. Об этом же говорит и тот факт, что, отвечая на вопрос "Кем вы ощущаете себя сегодня?" 53,1% опрошенных указали: "гражданами России" и только 15,5% - "гражданами СССР". Явно уменьшилось в сравнении с предыдущими опросами число неопределившихся: "сам не знаю кем". Теперь их 22,9%.

Далее, продолжая эту тему, обратим внимание читателей на то обстоятельство, что из трех предложенных суждений, обозначающих место русской нации в российском государстве, голоса при опросе распределились следующим образом:

1. Россия - общий дом для многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все они должны обладать равными правами и никто не должен иметь каких-либо преимуществ	73,6%
2. Россия - многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо прежде всего на них лежит ответственность за ее судьбу	13,1%
3. Россия должна быть государством русских людей	8,1%

В пользу этнократического государства высказывается, следовательно, лишь один из 12 респондентов, а почти три четверти занимают вполне цивилизованную позицию.

Образ Запада

Важная альтернатива национального самосознания связана с восприятием традиционной проблемы взаимоотношения России и Запада. Тут в ипостаси своеобразных "идеологических конструктов" конкурируют между собой прозападная и изоляционистская установки. Однако на массовом уровне они причудливо переплетаются. Начать с того, что в обыденном сознании достаточно широко распространен стереотип недоверия к Западу. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только 7,3% россиян, по данным нашего опроса, соглашались с мнением о том, что "Запад искренне хочет помочь России". 31% считают, что "нас хотят ослабить, превратить в зависимое государство". Большая же часть - 44% — уверена, что "нам помогают из корыстных соображений, и это вполне естественно".

В то же время мы располагаем свидетельствами дифференцированного подхода к странам западного и восточного миров. Анкетерами предполагалось выразить положительные или отрицательные чувства по отношению к 10 странам различных континентов. В табл. 3 приводятся проранжированные данные, раскрывающие некий баланс социальных эмоций, соотносящихся с этими странами.

Таблица 3

Распределение стран в зависимости от соотношения положительных и отрицательных эмоций (в % к числу опрошенных)

Страны	Вызывает (+)	Вызывает (-)	Затруднились ответить
Франция	78.9	3.0	18.1
США	77,6	9,0	13,5
Англия	76.6	4.2	19,2
Канада	72,8	2,4	24,8
Германия	69.0	11,5	19,5
Япония	68.5	9,2	22,3
Индия	59,4	4,8	35,8
Китай	41.2	21,1	37,7
Израиль	40.8	20,4	38,8
Ирак	21.7	34,7	43,6

Словом, при более конкретной постановке вопроса - не о Западе вообще, а об отдельных странах - выпукло проявляются все стереотипы и эмоции. Лидирующее положение среди первой четверки западных государств по высказываемым положительным чувствам принадлежит Франции. За нею следуют с небольшим отрывом США, Англия и Канада. Не исключено, что названные страны выделяются в силу того, что в исторической памяти российского народа запечатлены как союзники во Второй мировой войне. Несколько дальше расположены два государства, находившиеся тогда по другую сторону линии фронта. Их оценки почти совпадают. При этом от Канады Германию отделяют всего 4 пункта в ряду положительных оценок, и только на 2,5 пункта ее "отрицательный вес" тяжелее, чем у США. Сравнение вынесенных оценок в зависимости от респондентского возраста показывает, что особенно резкий скачок в нарастании "негативизма", проявленного к этой стране, происходит в старших возрастных группах, т.е. среди представителей поколения, которое помнит бедствия, причиненные нашествием германского фашизма. И все же главное состоит в том, что у 70% наших сограждан Германия ныне вызывает позитивные чувства, и только у 11% - негативные! Это свидетельство того, что в русском национальном самосознании остается очень немного места для "образа врага", что память о войне уходит в прошлое.

В заключение сформулируем выводы, которые непереложно вытекают из нашего исследования:

Этноцентризм в России как социально-психологический комплекс предстает не более распространенным, чем в других странах Европы. Даже распад СССР не стал значимым стимулом фрустрации и реваншистских устремлений. Российскому национальному самосознанию чужд сколько-нибудь четко выраженный "образ врага", который бы фокусировался на какую-либо иную национальную группу в стране или за ее пределами.

Общая характеристика самосознания россиян не исключает вместе с тем наличия национального экстремизма. В целом по России (без учета регионов, в которых национально-этнические конфликты приобрели открытую форму) его распространенность невелика. Одним из источников этого явления выступает страх за судьбу российской государственности, порождаемый не только внутренними, но и внешними факторами. Существует тесная взаимозависимость между крайними формами национализма и антидемократическими, авторитаристскими политическими установками. А это означает, что демократизация общества есть процесс не только внутренний, он имеет важные международные аспекты: любая демонстрация ущемления российских интересов повышает чувства опасения, сплачивает националистические элементы и усиливает авторитаристские тенденции.

Определенное недоверие население испытывает к Западу, но оно не персонафицировано по отношению к какому-либо конкретному государству. Наиболее низкие оценки получает Ирак, поскольку представляет собою современную форму тоталитарного режима и от него исходит угроза безопасности на Ближнем Востоке. Общественное мнение не жалуется и на Израиль, но причины этого требуют самостоятельного исследования. Не исключено, что главный фактор сравнительно низкого рейтинга этой страны состоит в том, что эмигранты не пожелали разделить трудности российских реформационных процессов.

Чрезвычайно важно, что даже Германия и Япония перестали россиянами ассоциироваться с принципиальными противниками. За 50 лет послевоенной истории в сознании людей, в их отношении к немцам и японцам произошла глубокая позитивная трансформация. Она опирается на реальный опыт сотрудничества россиян с ними во многих областях жизни.

Подавляющее большинство российских граждан рассматривают свою Родину в качестве великой державы, опираясь на исторический компонент национального самосознания и оценку ее вклада в мировую культуру. Ощущение того, что с Россией сегодня не считаются соответственно присущему ей историческому статусу не порождает массовых настроений реваншизма: крушение Союза воспринимается неоднозначно, и по этому вопросу нет консенсуса. Консенсус наблюдается в понимании того факта, что успехи в развитии экономики, укреплении демократии и будут главным средством повышения авторитета современной России в международном сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. J. Galtung. Geopolitics after the Cold War: an Essay in Agenda Theory // The International System after the Collapse of the East-West Order / Ed. by A. Clesse, R. Cooper and Y. Sakamoto. Martinus Nijhoff Publishers. 1994.
2. А. Здравомыслов и С. Матвеева. Межнациональные конфликты в России и постсоветском пространстве. Изд. Института этнологии РАН. М., 1995.
3. Warm moechten Sie sterben? // Der Spiegel. 1994. N 38. S. 68.